

В Вартемягах помнят комиссара Ищенко

Уволить ее было нельзя, на иждивении малый ребенок, старая больная мать, муж в действующей армии. И вот весной 1942 г. маму отправили в Пери бухгалтером. Работала мама в помещении Лесколовского сельского Совета. Она взяла меня с собой, побоялась оставить с бабушкой. Мне было 9 лет.

Начались наши ежедневные поездки из Парголово в Пери по понедельникам и из Пери в Парголово по субботам. Поезда уже ходили по расписанию, на работу мы не опаздывали. Тогда за опоздания отдавали под суд. В условиях военного времени дисциплина была строгой. Рано утром мы садились на поезд в Парголово и ехали до Ланской. В поезде у всех проверяли документы. Надо было иметь удостоверение личности и пропуск на проезд. По вагонам ходил вооруженный патруль. От Ланской шли пешком через парк Лесотехнической академии до ст. Кушелевка. Этот путь у меня всегда вызывал страх. Я боялась идти лесом по глухой дорожке. Но мама ничего не боялась, говорила, что все будет хорошо, надо идти быстро, чтобы не опоздать на поезд. На ст. Кушелевка брали билеты, и мама всегда удивлялась, как чисто был вымыт деревянный пол в зале ожидания.

Вот так началась для меня новая жизнь. Лесколовский сельский Совет находился близко от ст. Пери, в деревянном доме. В одной половине дома был сельский Совет. Председателем была Мария Васильевна Тарасова. В другой комнате работала мама и еще одна сотрудница. Я гуляла на улице, бродила вокруг дома или изучала всякие закоулки в самом доме. Как-то приоткрыла дверь в одну из комнат и увидела на полу очень много книг. Книги меня удивили. Текст был русский, и на каждом слове стояло ударение. Много лет спустя я поняла, что это были русские книги для нерусских читателей. Земля-то была ингерманландская. Среди этих книг я нашла поэму «Нерсии». Если в Лесколово есть библиотека, я готова вернуть книгу в библиотеку, которую нашла в далеком 1942 г.

Пери я вспоминаю как очень грибное место. Когда пошли грибы, мама до работы ходила в лес к деревне Рохма. Там всегда было много белых грибов. Мы варили суп с грибами, сушили их и в субботу везли домой к бабушке. В голодные годы это было

Моя мама Людмила Георгиевна Крымзенкова работала до войны в Парголовском РПС бухгалтером транспортной конторы. В блокаду гараж был законсервирован, осталась одна грузовая машина «ГАЗ – АА», которая была переделана в газогенераторную. По бокам кабины стояли две печки, они топились деревянными чурками. Эта машина изредка ходила в Ленинград за различными грузами. Мама числилась как бухгалтер законсервированного гаража.

большим подспорьем.

Запомнилось мне лето 1942 г. и встречей с интересными людьми. Это я сейчас так понимаю, а тогда для меня это были просто военные. Военных кругом было много. Ленинград – город-фронт. В Парголове, где я жила, было много летчиков, так как рядом располагались маленькие аэродромы. У летчиков был хороший паек, и они подкармливали нас, голодных детей. В гости к школьникам Парголовской школы приезжала прославленная летчица В.С. Гризодубова. Ее полк стоял на аэродроме в Левашово.

В 1942 г. в Пери у военных были лошади, и я мечтала покататься верхом, что мне и удалось.

В Пери пришел 255 стрелковый полк 123 дивизии. Командиром полка был А.И. Козлов, а комиссаром – Иван Иосифович Ищенко. На территории Парголовского и Всеволожского районов армия готовилась к прорыву блокады Ленинграда. Шла напряженная учеба, отрабатывали тактику наступательного боя в лесисто-болотистой местности. В перерывах на отдыхе общались с гражданским населением. Так состоялось мое знакомство с комиссаром полка.

Иван Иосифович Ищенко был очень общительным человеком, который видел все вокруг и всех. Он заметил меня и старался со мной поговорить, когда у него была свободная минута. Я узнала, что он был учителем истории и географии. Работал на Украине в школе. Был участником финской войны, попал на полуостров Ханко, где и встретил Великую Отечественную войну, работал в гарнизонной газете. Все это мне мало что говорило. Что такое героическая оборона Ханко, я поняла тогда, когда стала работать в Сертоловской школе после окончания университета. Я встретила много героических защитников Ханко, они жили в Сертолово и даже работали в школе вместе со мной. Это Николай Иванович Чеснаков, завхоз школы, Михаил Савельевич Наумов, руководитель кружка народных инструментов в школе, Иван Павлович Сень.

В Осиновой Роще, в Сертолово 1 и Сертолово 2, на Черной Речке проживали и проживают люди, которые защищали Ханко и были участниками перехода в Ленинград на кораблях по бушующему осеннему Финскому заливу через минные поля.

Иван Иосифович подарил мне открытку с надписью «Будь героем!». Я храню эту открытку как память об очень хорошем и добром человеке. В 1942 г. ленинградское издательство «Искусство» выпустило серию открыток большим тиражом по 25000 экземпляров каждой. Открытки были посвящены героическим защитникам города и

воинам Ленинградского фронта. Они были отпечатаны в голодном блокадном городе тружениками типографии Ивана Федорова. Открытки были нужны людям. У меня оказались две одинаковые открытки. Одна – подарок, вторую я получила от папы с Волховского фронта.

После прорыва блокады И.И. Ищенко был направлен на учебу на курсы «Выстрел». Курсы находились в г. Солнечногорске. После окончания курсов он вернулся на Ленинградский фронт и участвовал в освобождении Карельского перешейка летом 1944 г. Умер от ран в госпитале.

В повести Михаила Дудина «Где наша не попадала», в главе 33, есть такие слова: «К нам в полк приехал подполковник Ишеев. Он был на курсах, и его назначили к нам начальником штаба. В первый же день он выехал на рекогносцировку на белом коне. Финны попали в коня первым снарядом». Автор изменил фамилию героя, но мне понятно, о ком идет речь.

Подполковник И.И. Ищенко был похоронен в Вартемягах, на горке, слева от церкви. Рядом был похоронен местный шофер, который погиб при обстреле в Ленинграде.

Хоронил командира ординарец. Он исполнил последнюю просьбу подполковника. Местные жители, присутствовавшие при погребении, вспоминали, что ординарец плакал и сказал, что командир просил похоронить его на горке в Вартемягах рядом с церковью.

Однажды мы случайно услышали по радио в передаче «Письма с фронта и на фронт» текст письма И.И. Ищенко к его племяннику. В письме было сказано, что семья И.И. Ищенко живет в Казахстане. С помощью радио мама нашла жену Ивана Иосифовича Анну Захаровну Ищенко и подробно написала все, что узнала про похороны ее мужа в Вартемягах. Между нашими семьями установились дружественные отношения. Анна Захаровна приезжала в Ленинград и всегда останавливалась у нас в Парголове. Она приезжала вместе с детьми, с дочерью Валей и сыном Борей. Все вместе мы ездили в Вартемяги на кладбище, навещали место захоронения Ивана Иосифовича.

Сейчас прах И.И. Ищенко находится в братской могиле в пос. Вартемяги на берегу реки рядом со зданием школы. По решению власти все одиночные захоронения участников Великой Отечественной войны были перенесены в братскую могилу.

Мои воспоминания содержат краеведческий материал. Я пишу это специально для школьников Лесколово и Вартемяг.

В это далекое время люди видели и чувствовали друг друга, помогали по мере возможности, были внимательны к чужой беде.

Я пишу это к 65-летию нашей Великой Победы.

Н.В. КРЫМЗЕНКОВА,
заслуженная учительница,
учитель истории.
Парголово, март 2010 г.

Долгая дорожка к себе домой

65 лет прошло со дня нашей Великой Победы. Как жила страна наша все эти годы, как жили мы, люди пожилые, старики, чья память хранит и страшные годы войны, и счастливые годы мира.

Человек живет, пока жива его память.

Последние предвоенные годы мои мать и отец – геологи – работали в Комсомольске-на-Амуре, а больше – на другом берегу, на Пиване. Жили в нескольких бараках в тайге на самом берегу бурного, капризного Амура. Здесь начиналась для меня моя Родина.

Под крыльцом барака жили дикие собаки. Мне так хочется поиграть с их пушистыми щенками. Но они пугливы и осторожны. А в лесу, где мама проверяла шурфы, таская меня на спине, мы однажды видели рысь. Замерли на месте, а она с нижней ветки сосны смотрела на нас. Но всё обошлось, киска эта нас не тронула.

Потом геологи работали на Алтае, на Урале. Перед самой войной поселились мы в Поповке под Ленинградом. Родители работали в Ленинграде в Институте геологии Арктики. А я с бабушкой оставалась дома.

Была у нас коза Гешка, кошка с котятками и две

курицы с великолепным, похожим на павлина петухом. За домом был покос, а за ним начинался лес до самой Любани. И было так хорошо. Утром солнце смотрело в окно моей комнаты. На полу лежала медвежья шкура и стоял ящик с игрушками. Двор наш был густо засажен березами, а под ними росли нарциссы и ирисы.

По воскресеньям мы шли на покос. Отец запасал сено для козы. А я бродила по опушке леса, собирала грибы и землянику. Потом пили чай на большой веранде. Под ногами играли котятки. После экспедиций, неустроенности это был рай. И казалось – так будет всегда.

Слово Родина как-то не произносилось. Да, впрочем, и Родина моя была за Полярным кругом. Я её не помнила, потому что увезли меня оттуда, когда мне было всего 16 дней. Но где-то с трех лет, а они приходились на Комсомольск-на-Амуре, я начала не столько понимать, сколько чувствовать свою Родину. И уже тогда мне казалась она такой огромной, без конца и края, такой прекрасной, сказочной страной. И в ней никогда не будет ничего плохого, страшного. В Поповке мы прожили одну зиму и лето. И еще одну зиму и весну. А в июне 1941 года началась война. Пятилетней

девочке было непонятно, почему мы стали ночевать в погребе, а потом, бросив всё, под обстрелом на бронепоезде в августе бежали в Ленинград.

Кому, зачем понадобилось разрушать нашу такую чудесную, мирную жизнь?..

А дальше... бомбежки, обстрелы, голод, холод.

На Всеволожской у бабушки я сидела на русской печке, болела свинкой и всё время хотела есть. Голод был просто изнуряющий. Сначала я похудела, потом распухла. Отец пропал на фронте. Бабушки мои с трудом вставали с постели, чтобы чем-нибудь растопить печку. Я не помню, чем кормила нас мама. Жить совсем не хотелось. Только спать.

Так прошла первая блокадная зима. А в начале апреля мы эвакуировались по Ладоге в Кобону, Жихарево и дальше – в товарных вагонах в Ивановскую область, в деревушку из 12 домов в трех километрах от Волги, где жили наши родственники.

12 километров от Наволок шли пешком до нашей деревни Калетино. В средней полосе России апрель – это весна. Нам, истощенным голодом, идти было трудно. Голова кружилась от пья-

нящих запахов распускающейся зелени, от звона птичьих голосов.

В низинах стояла вода, на горюшках появились первые подснежники. Хотелось лечь на каком-нибудь пригорке и смотреть в синее спокойное небо. Так выглядел мир после грохота и пожаров войны. И маленькая девочка впервые осознала, какой может быть её Родина, и как надо скорей прогнать врага, чтобы и там, откуда мы бежали, не надеясь остаться живыми, были мир, тишина и пение птиц. И эта любовь к родной земле и ненависть к врагу, её разрушающему, уже тогда могли бы быть названы патриотизмом. С годами это чувство становилось осознанным и сохранилось на всю оставшуюся жизнь.

Два года прожили мы в деревне среди приволжских лесов. Весной 1944 года вернулись во Всеволожскую. Снова голод. Ленинград, изувеченный фашистами. Там и тут развалины. И захотелось обратно на Волгу, в нормальную мирную жизнь.

До окончания войны было еще больше года. Но все верили в Победу, хотя много было пролито слез, когда приходили похоронки с фронта. И люди из последних сил уже восстанавливали свою страну – города и села. Знали – надо жить, растить детей, победить. И помнить тех, кто уже никогда не придет к родному порогу. И сделать за них всё, что они не успели.

Татьяна ЗАХАРОВА